

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

*Под редакцией
профессора А. И. Соловьева*

Учебное пособие для вузов

АСПЕНТ ПРЕСС
Москва
2017

УДК 32.001
ББК 66.0
Г72

Рецензенты

доктор философских наук *В. С. Комаровский*
доктор политических наук *И. В. Мирошниченко*

Авторский коллектив

д.полит.н. Н. С. Григорьева (гл. 20), д.филос.н. О. Ю. Малинова (гл. 18),
д.филос.н. А. Ю. Мельвиль (гл. 9), д.полит.н. О. В. Михайлова
(гл. 3, 11), д.полит.н. Г. В. Пушкарева (гл. 5, 7), д.филос.н. Л. В. Сморгуню
(гл. 16), д.полит.н. А. И. Соловьев (введение, гл. 1, 2, 4, 6),
д.ист.н. Л. А. Фадеева (гл. 13), к.полит.н. Е. В. Андришина (гл. 15),
к.полит.н. А. Н. Бордовских (гл. 10), к.полит.н. А. Е. Коньков (гл. 8),
к.полит.н. А. А. Косоруков (гл. 14), к.ист.н. Н. С. Малышева (гл. 19),
к.ист.н. С. В. Патрушев (гл. 17), к.полит.н. С. Г. Туронок (гл. 12),
к.полит.н. Л. А. Филиппова (гл. 17)

Государственная политика и управление: Учеб. пособие для вузов / Под ред.
Г72 А. И. Соловьева. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 480 с.
ISBN 978–5–7567–0858–5

В книге раскрываются актуальные теоретические вопросы государственной политики, характеризуются отличительные черты внутренней организации этого процесса, демонстрируются особенности поведения ее основных акторов, управленческие и политические механизмы и инструменты разработки правительственных стратегий и целей. Особое внимание уделено описанию роли институциональных и неинституциональных параметров этого процесса, взаимосвязи демократизации и качества управления государством. Анализируются основные разновидности российской государственной политики, освещаются современные проблемы их формирования и осуществления.

Для студентов, аспирантов и специалистов в области государственного управления.

УДК 32.001
ББК 66.0

ISBN 978–5–7567–0858–5

© Авторский коллектив, 2017
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2017

Учебное издание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 30,0. Заказ № 6672

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru. Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8(499)270-73-59

Оглавление

Введение	6
Раздел I	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: КОНЦЕПТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	
Глава 1. Государство и управление	12
§ 1. Власть и управление — два формата регулирующей активности государства ...	12
§ 2. Государство как пространство принятия управленческих решений	18
Глава 2. Государственная политика	37
§ 1. Государственная политика: смыслы и образы	37
§ 2. Процесс и механизмы формирования государственной политики	45
§ 3. Российский случай	53
Глава 3. Сетевые основания государственной политики	63
§ 1. Теоретические истоки сетевого понимания политики	63
§ 2. Сетевые альянсы в архитектуре государства	70
§ 3. Сетевая морфология российской политики	78
Глава 4. Политический лидер в системе государственного управления	83
§ 1. Управленческий функционал политического лидера	83
§ 2. Лидерская подсистема в управлении государством	87
§ 3. Лидерская подсистема: российские иллюстрации	97
Раздел II	
НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	
Глава 5. Информационное сопровождение государственной политики: технологии и проблемы эффективности	110
§ 1. Информационное влияние: сущность и стратегические направления	110
§ 2. Задачи информационного обеспечения государственной политики	117
§ 3. Технологии информационного обеспечения государственной политики	123
§ 4. Проблемы эффективности информационного сопровождения государственной политики	130
Глава 6. Идеология в управлении государством	137
§ 1. Идеология: ракурсы и версии теоретической интерпретации	137
§ 2. Особенности местоположения политической идеологии в государственном управлении	143
§ 3. Российский казус	152
Глава 7. Внешний и внутренний имиджи Российского государства: факторы формирования, динамика и роль в государственной политике	163
§ 1. Имидж государства: структура, виды и функциональное назначение	163
§ 2. Внешний имидж Российской Федерации	172
§ 3. Внутренний имидж России	180
Глава 8. Мягкая и умная сила в государственном управлении	194
§ 1. Реализация власти: поиск новых инструментов влияния в современном мире	194

§ 2. Технологии мягкой силы в современном государстве	199
§ 3. Специфика использования механизмов мягкой и умной силы в государственном управлении России	204

Раздел III
СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 9. Государственная состоятельность и траектории режимных трансформаций	214
§ 1. Государственная состоятельность и ее индикаторы: проблемы концептуализации и измерения	215
§ 2. Государственная состоятельность и демократизация: проблема последовательности реформ	221
§ 3. Опыт эмпирического анализа (на материале посткоммунистических стран)	226
Глава 10. Демократические институты как агенты государственной политики	234
§ 1. «Упадок» демократии и роль государственных институтов в построении эффективной модели власти	234
§ 2. Демократические институты: творцы или агенты государственной политики?	241
§ 3. Эффективность демократических институтов как органов государственного управления	246
§ 4. Будущее демократических институтов: что за горизонтом?	248
Глава 11. Реформы государственного управления: планы и практики	256
§ 1. Предпосылки и стратегии административных реформ	256
§ 2. Структурные элементы административных реформ	264
§ 3. Практика административных реформ в России	277
Глава 12. Экспертное сопровождение государственной политики: сравнительный опыт	290
§ 1. Зарождение и развитие экспертного сопровождения государственной политики	290
§ 2. Определение, признаки, формы и методы, механизмы экспертного сопровождения государственной политики	295
§ 3. Политико-управленческое консультирование в России: вчера, сегодня, завтра	310
Глава 13. Интеллектуалы как агент российских трансформаций	322
§ 1. Интеллигенция: грани исторического портрета	322
§ 2. Интеллигенция и перестройка	324
§ 3. Неолиберальные увлечения интеллектуалов и рецепты рыночного пути	329
§ 4. Новая повестка дня: патриотизм vs либерализм	332

Раздел IV
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 14. Геополитическое пространство формирования правительственных стратегий	342
§ 1. Геополитические теории и их практические экспликации	342

§ 2. Структура и особенности геополитического пространства формирования российских правительственных стратегий	348
§ 3. Реализации правительственных стратегий России в геополитическом пространстве: проблемы и практики	355

Глава 15. Международные структуры в формировании государственной политики национального государства	363
§ 1. Современные факторы и условия, детерминирующие зависимость государственных политик от международных структур	363
§ 2. Механизмы и технологии влияния международных структур на государственную политику	370
§ 3. Влияние международных структур на процесс принятия государственных решений в современной России	377

Раздел V
РАЗНОВИДНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ:
ЗАМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Глава 16. Публичная политика	386
§ 1. Понятие и сферы публичной политики	386
§ 2. Политические режимы, стили и режимы публичной политики	392
§ 3. Процесс выработки публичной политики	396
§ 4. Управление публичной политикой	403
Глава 17. Массовая политика	410
§ 1. «Второе рождение» массовой политики	410
§ 2. Типология массовой политики	413
§ 3. Типы массовой политики: сущность и показатели	418
§ 4. Перспективы массовой политики в России	425
Глава 18. Символическая политика	429
§ 1. Символическая политика: сущность и истоки концептуализации	429
§ 2. Символическое использование прошлого и политика памяти	431
§ 3. Дилеммы российской идентичности и основные этапы политики памяти в постсоветской России	433
Глава 19. Стратегическое планирование как инструмент развития российской экономики	443
§ 1. Проблемы социально-экономического развития России	443
§ 2. Стратегическое планирование в деятельности органов государственной власти	447
§ 3. Стратегия социально-экономического развития современной России и пути ее совершенствования	450
Глава 20. Государственная политика в области здравоохранения: история России и современные проблемы научного дискурса	460
§ 1. Политика здравоохранения в международных исследованиях	460
§ 2. Исторический контекст, или Чем мы можем гордиться	464
§ 3. Государственная политика здравоохранения: российские проблемы	470
Сведения об авторах	480

Государственная состоятельность и траектории режимных трансформаций

Интерес к государству и связанной с ним проблематике еще со времен Античности неизменно пульсирует в мировой политической мысли. Начиная с 1980-х годов, после предшествующего периода с преимущественным акцентом на теоретические и методологические вопросы, связанные с политическими системами и их функционированием, *государство*, *государственность* (*state-ness*) и *государственная состоятельность* (*state capacity*) вновь оказываются в центре интенсивных политологических дискуссий [см.: Evans, Reuschemeyer, Skocpol, 1985; Spruyt, 1994; Frye, 2010; Migdal, 1988; и др.]. Такое смещение аналитического фокуса было связано с разнообразными факторами, в том числе глобального политического характера — обостряющимися проблемами качества управленческих институтов и социально-экономического развития, распространением феномена «несостоятельных» государств, сложностями демократизации и государственного строительства в развивающихся странах, распадом коммунистической системы и становлением новых независимых государств.

В политической науке в целом и в изучении государственного управления в частности в последние два десятилетия сохраняется устойчивый бум новых теоретических исследований и прикладных разработок, связанных с проблематикой государства, государственности, государственной состоятельности. Особое внимание уделяется изучению влияющих на них факторов и их последствий для экономического и социального развития, эволюции социального и человеческого капитала, динамики режимных изменений и др. [Fukuyama, 2004; Back, Hadenius, 2008; Fortin, 2010; Ильин, 2005; Мелешкина, 2011; Мельвилл, Стукал, Миронюк, 2012; Melville, Stukal, Mironyuk, 2013; и др.]. Среди важных факторов, сказывающихся на направлении и ходе современных сравнительных исследований, выделяются реальные и остро

стоящие сегодня проблемы качества существующих государственных институтов в развитых и развивающихся странах, возможностей и пределов институциональных заимствований, феномена «несостоятельных» государств, последовательности экономических и политических реформ в трансформирующихся обществах и др.

Отдельное исследовательское направление связано сегодня с теоретически значимой и политически крайне актуальной проблемой *последовательности* (так называемый *sequencing*¹) государственного строительства, становления и развития управленческих институтов, с одной стороны, и демократических реформ и преобразований — с другой. Основное содержание этой проблемы заключается в следующем: является ли формирование и развитие эффективных государственных институтов (прежде всего — принуждающего характера) необходимым предварительным условием для последующей демократизации или же оба процесса могут быть взаимодополняющими и развивающимися параллельно? Иными словами, какова оптимальная последовательность реформ и преобразований, способных привести к формированию в новых независимых государствах своего рода «демократического Левиафана» — эффективной государственной власти и демократических институтов?

Ниже мы рассматриваем основные параметры и направления попыток концептуализации и разработки эмпирических индикаторов государственной состоятельности. Мы также проанализируем основные существующие в современной литературе теоретико-методологические подходы к проблеме *sequencing* и предложим собственный опыт ее эмпирического анализа на материале посткоммунистических стран. В заключение будут сформулированы основные выводы осуществленного нами анализа и предложены перспективные направления для дальнейших исследований.

§ 1. Государственная состоятельность и ее индикаторы: проблемы концептуализации и измерения

В современной литературе, несмотря на ведущиеся бурные дискуссии, нет полного согласия относительно ключевых параметров проблематики государства, государственной состоятельности, ее показателей и последствий, в том числе в контексте обществен-

ных трансформаций и режимных изменений². Тем не менее в ходе этих дискуссий можно выделить по крайней мере некоторые общие узловые моменты, связанные с концептуализацией государственной состоятельности.

Так, в литературе распространено представление о том, что основное содержание государственной состоятельности заключается в способности государства формулировать и претворять в жизнь свои стратегии по достижению экономических и социальных целей [Kjaer, Hersted with Thomsen, 2002]. Проблема тем не менее связана с необходимостью более четкой концептуализации компонентов государственной состоятельности, их динамики, влияющих на них факторов и их разнообразных последствий для тех или иных сфер социально-экономической, политической и международной жизни.

Своего рода отправным методологическим пунктом такого анализа может служить едва ли не классическое различие между «формами» правления (во многом — режимными характеристиками) и «степенью» управляемости, предложенное еще С. Хантингтоном [Huntington, 1968]. Основной смысл этого принципиально важного аргумента применительно к рассматриваемой нами проблематике заключается в необходимости и важности учета и конкретного рассмотрения особенностей взаимовлияния уровней государственной состоятельности и характеристик политических режимов, а также их собственной и взаимообусловленной динамики. В свою очередь постановка такой задачи предполагает определение теоретико-методологической позиции в отношении содержательного понимания компонентов государственной состоятельности в связи с влияющими на них факторами и их последствиями/результатами.

В данном контексте важной также является базовая логика Ч. Тилли, в соответствии с которой ключевыми характеристиками и базовыми функциями государства являются его способности извлекать ресурсы и создавать управляющий ими административно-бюрократический аппарат, чтобы иметь возможность вести войны [Tilly, 1990]. По крайней мере имплицитно здесь также содержится определенное представление о государственной состоятельности, вытекающее из качества реализации отмеченных выше государственных функций³.

М. Манн, концептуальные разработки которого оказали значительное влияние на ход современных дискуссий по рассматриваемой проблематике, различает два типа государственной состоятельности — «принуждающую состоятельность» (*despotic, coercive capacity*) и «инфраструктурную состоятельность» (*infrastructural capacity*) [Mann, 1984].

Первая, по сути дела, отсылает нас к веберовскому тезису о монополии на принуждающее насилие и представляет собой своего рода базовую способность государственного состояния *sine qua non*: нет принуждающей способности — нет и государства как такового. Вторая же, по его мысли, отражает реальные различия между существующими государствами в части их возможностей по формулированию и воплощению экономической, социальной и иной политики на всей своей территории и получаемым результатам. Именно второе — «инфраструктурное» — понимание государственной состоятельности задает основные теоретико-методологические параметры одного из влиятельных направлений в современных исследованиях государственной состоятельности [Fortin-Rittberger, 2014; Soifer, 2014; Soifer, Nau, 2014].

С различием «принуждающей» и «инфраструктурной» состоятельности связан и такой часто дискутируемый сегодня в литературе вопрос, как оппозиция «*сильных*» и «*слабых*» государств. Это достаточно распространенная, хотя и вызывающая серьезные сомнения точка зрения. *Во-первых*, существуют разные определения «силы» и «слабости» (которые к тому же часто лишены аналитической строгости). *Во-вторых*, использование государством силы/насилия (особенно в отношении гражданского общества) может быть свидетельством как раз недостаточной государственной состоятельности. Далеко не всегда понятно, каковы источники и факторы этой «силы» — слабость оппозиции, репрессивные возможности и монополия исполнительной власти, монопольный контроль над политическим процессом, партийной системой, средствами массовой информации и пр.? Заметим при этом, что данный вопрос имеет не только теоретический, но зачастую и вполне прикладной политический характер.

С теоретико-методологической точки зрения важными различиями в исследовательских ракурсах являются также два альтернативных варианта использования государственной состоятельности (прежде всего в эмпирическом анализе) — как *зависимой* и *независимой* переменной. В первом случае фокус внимания исследования обращен на выявление эмпирическим путем совокупности разнородных факторов (экономических, социальных, политических и иных), которые потенциально могут оказывать либо реально оказывают влияние на качество государственной состоятельности в разных странах. Среди таких факторов — уровни экономического и социального развития, качество человеческого капитала, режимные характеристики и др. Во втором случае сама государственная состоятельность (независимо от ее концептуализации) рассматривается как фактор влияния на различного

рода эффекты и последствия. Например, на все те же уровни экономического и социального развития, место и положение того или иного государства в системе мировой политики, конкретные режимные характеристики и др.

Еще одно немаловажное для дальнейшего анализа теоретико-методологическое уточнение, отчасти связанное с отмеченным выше различием подходов к государственной состоятельности как к зависимой или независимой переменной, предполагает разграничение, с одной стороны, ее составных *компонентов*, а с другой — ее *эффектов* (последствий и результатов), проявляющихся в различных общественных областях. При этом предлагаемые трактовки компонентов государственной состоятельности во многом отражают различные варианты ее концептуализации.

В современной литературе существуют самые разнообразные представления о компонентах государственной состоятельности. Ф. Фукуяма, например, выделяет следующие аспекты государственной состоятельности: обеспечение обороны; поддержание закона и порядка; обеспечение прав собственности; защита неимущих; здравоохранение; образование; защита окружающей среды; поддержка безработных; макроэкономическое регулирование; содействие развитию рынков и др. [Fukuyama, 2004]. Ц. Робертс и Т. Шерлок говорят о трех измерениях (аспектах) государственной состоятельности: институциональном; политическом и административном [Roberts, Sherlock, 1999]. Для К. Хендрикса это военная способность; бюрократически-административная способность и качество политических институтов [Hendrix, 2010]. Дж. Хансен и Р. Сигман выделяют три аспекта государственной состоятельности: способность к налогообложению; способность к принуждающему насилию и административная способность [Hansen, Sigman, 2011]. В рамках индекса трансформации Бертельсмана государственная состоятельность трактуется как один из критериев оценки уровней демократии в переходных странах. С этой точки зрения ее компоненты включают монополию государства на применение насилия на своей территории; согласие относительно гражданства; разделение конституционного порядка и религиозной догматики; а также существование функционирующей административной структуры [Bertelsmann Transformation Index, 2012].

Примеры из литературы легко продолжить. Вопрос, однако, заключается в том, какие достоверные инструменты можно использовать для реального измерения и сравнения уровней государственной состоятельности в разных странах? Иными словами, каковы те эмпирические

индикаторы, которые позволяют характеризовать и оценивать государственную состоятельность в сравнительных межстрановых исследованиях?

В самом общем плане и с учетом современных дискуссий по рассматриваемой проблематике эти эмпирические индикаторы можно разделить на две группы: *во-первых, ресурсы*, которыми располагает государство для достижения своих стратегических целей, и, *во-вторых, институты*, которые позволяют ему с тем или иным успехом реализовывать свою экономическую, социальную и иную политику.

Для оценки ресурсной состоятельности в первую очередь подходит такой индикатор, как фискальные возможности, т.е. общая *собираемость налогов*, с помощью которых государство способно достигать поставленных целей. Как правило, в существующих исследованиях этот параметр предлагается исчислять как соотношение собираемых налогов к ВВП [Besley, Person, 2010; Schmitter with Wageman and Obydenkova, 2005; Gehlbach, 2008; Fukuyama, 2004; и др.]. В целом это вполне логичный и распространенный подход, но вместе с тем необходимо учитывать некоторые встроенные в него ограничения. Например, нерешенной проблемой в таком случае остается так называемая теневая экономика, которая не учитывается в этом параметре [см., например: Ottervik, 2013; Hendrix, 2010]. Кроме того, при осуществлении эмпирических сравнительных исследований, прежде всего применительно ко многим посткоммунистическим и значительной части развивающихся стран в целом, необходимо принимать во внимание проблему так называемых «пропущенных данных», в частности отсутствие достоверной статистики о реальной собираемости налогов. В качестве альтернативы предлагаются и реально используются другие показатели, например так или иначе связанные с уровнями *ВВП на душу населения*. Необходимо, однако, учитывать, что это не лучшее решение — хотя бы потому, что в ВВП на душу населения могут быть «зашиты» и другие показатели, напрямую не связанные с уровнями государственной состоятельности. Поэтому при возможном использовании этого индикатора нужно принимать во внимание также встроенные в него ограничители.

Очевидно, что имеющиеся у государства ресурсы могут использоваться по-разному, в том числе с разной степенью эффективности, в первую очередь отражающей качество управленческих институтов. При этом определение пригодных для сравнительного анализа индикаторов качества институтов как важного показателя государственной состоятельности также является непростой задачей. Одна из основных сложностей здесь — множественность измерений качества управленче-

ских институтов и различные концептуальные подходы, влияющие на выбор конкретных показателей или их сочетаний.

В некоторых случаях для решения этой задачи используются уже существующие информационные базы и формируемые на их основе индексы. Крайне распространенными источниками являются *индексы качества государственного управления* — *Quality of Government (QoG)* по версии одноименного проекта Гетеборгского университета и *Worldwide Governance Indicators (WGI)*, рассчитываемые по методике Всемирного банка [см.: Charron, Lapuente, 2010; Bratton, Chang, 2006]. В ряде исследований для этого используются индексы «бюрократического качества», рассчитываемые по известной базе данных *International Country Risk Guide* [Back, Hadenius, 2008].

Другие походы к измерению качества управленческих институтов опираются не столько на существующие индексы, сколько на отдельные специально отобранные показатели, используемые как так называемые «прокси-переменные», т.е. «замещающие» те переменные, значения которых не выявляются непосредственным образом при попытках измерения уровней государственной состоятельности в разных странах. Это, например, соблюдение прав собственности и деловых контрактов [Soifer, Nau, 2008], уровни коррупции [Back, Hadenius, 2008], контроль над коррупцией [Ibid.], гарантии прав «физической целостности» (*physical integrity*), понимаемой как обеспечение личной безопасности и неприкосновенности и рассчитываемой по отдельным показателям специальной базы данных *Cingranelli-Richards Human Rights Data Project (CIRI)*, разработанной и поддерживаемой Д. Сингранелли и Д. Ричардсоном. В. Попов предлагает еще две «прокси-переменные» для измерения государственной состоятельности — уровень убийств на 100 тыс. населения (по данным Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка) и процент теневой экономики в ВВП, прежде всего тоже по данным Всемирного банка [Роров, 2011]. Распространенным и в целом удачным индикатором являются также так называемые «контрактые деньги» (*contract intensive money, CIM*), используемые в качестве показателя доверия к финансовым институтам и рассчитываемые по показателям Международного валютного фонда [Fortin, 2010].

Итак, в современном аналитическом арсенале существуют весьма различные теоретико-методологические и эмпирические подходы к концептуализации и измерению государственной состоятельности. Очевидно, что какие-либо идеальные варианты здесь вряд ли возможны — особенно с учетом многомерности проблемы и ее различных изме-

рений, особенностей и разновидностей аналитического фокуса, неявного характера причинно-следственных зависимостей и др. Тем не менее мы имеем дело с относительно ясно очерченным кругом важных и актуальных исследовательских вопросов, в том числе имеющих прикладной политический характер, оригинальными вариантами исследовательских методологий, а также богатой информационной базой, позволяющей проводить эмпирическую проверку предположений и гипотез.

Но прежде чем приступить к результатам осуществленного нами опыта эмпирического анализа одного из важных аспектов рассматриваемой нами проблематики, рассмотрим еще одно лежащее в его основе и крайне важное измерение государственной состоятельности — ее взаимосвязь с проблематикой режимных трансформаций и демократизации.

§ 2. Государственная состоятельность и демократизация: проблема последовательности реформ

Взаимосвязь государственности, государственной состоятельности и демократии/демократизации не вызывает сомнений — с точки зрения как теоретического, так и эмпирического анализа. Хотя нужно повторить, что существующие исследования не позволяют говорить о сколько-нибудь четком направлении причинно-следственной зависимости [Fortin, 2011]. Но в любом случае хотя бы определенный уровень государственной состоятельности необходим для создания и поддержания демократических институтов и практик.

Современные сравнительные исследования позволяют зафиксировать еще некоторые зависимости. Так, например, относительно высокие уровни государственной состоятельности способствуют стабилизации авторитарных режимов и препятствуют демократизации. Но они же способствуют выживаемости новых демократий [Kuthy, 2010]. Другой распространенный вывод сводится к тому, что демократизация, по крайней мере на начальных стадиях, ослабляет государственную состоятельность [Schmitter with Wageman and Obydenkova, 2005; Back, Hadenius, 2008]. Как мы покажем в эмпирической части нашего материала, этот аргумент тем не менее не может считаться универсальным, поскольку в действительности существуют разные траектории политических трансформаций и разная связанная с ними динамика государственной состоятельности.

Проблема, однако, заключается в определении возможной и оптимальной последовательности реформ в ситуациях одновременно возникающих задач — государственного строительства и демократизации. В этом-то и состоит основное содержание самой проблемы *sequencing*. На этот счет в литературе представлено несколько альтернативных точек зрения.

Во-первых, это хорошо развернутая система аргументации, суть которой может быть выражена в базовом тезисе «*Stateness First*», т.е. государственность и государственная состоятельность как предварительные условия для демократизации.

В современной политической компаративистике в качестве едва ли не априорной посылки распространено представление о том, что государственность является необходимой предпосылкой демократии. Этот тезис идет еще от [Rustow, 1970]. Часто цитируется утверждение Х. Линца и А. Степана о том, что «демократия есть форма правления в современном государстве» [Linz, Stepan, 1996: 17]. Из этого часто следует предположение, что современная демократия и демократизация невозможны без относительно высокого уровня государственной состоятельности. Данный аргумент получает развитие в работах Ф. Фукуямы, Э. Мансфилда и Дж. Снайдера [Fukuyama, 2007; Mansfield, Snyder, 2007].

Й. Моллер и С.-Э. Скаанинг [Moller, Skaaning, 2011], продолжая логику, представленную в ряде других работ [Tilly, 1990; Van Creveld, 1999] и др., подчеркивают, что современные государства рождались недемократическим путем, в крови и насилии, и лишь постепенно некоторые из них становились демократиями, и приходят к тому же общему выводу, что государственность и государственная состоятельность предшествуют демократии.

В литературе также выделяется отдельная линия, конкретизирующая обсуждаемый нами тезис о государственности как обязательной предпосылке демократии в плане проблематики качества государственных институтов. Суть данного аргумента сводится к тому, что демократизация без качественных институтов ведет к политическому и социальному хаосу и экономическому спаду [Полтерович и Попов, 2006].

Действительно, нет никаких сомнений в том, что современная демократия невозможна без дееспособного государства и может существовать только в пространстве государственности. Проблема, однако, заключается в другом — государство не абстракт, существуют очень разные государства и типы государственности. Государства по-разному понимают свои приоритеты и по-разному исполняют свои функции.

Государственная состоятельность	Политический режим	
	Высокий потенциал государственной состоятельности — недемократический режим	Высокий потенциал государственной состоятельности — демократический режим
Низкий потенциал государственной состоятельности — недемократический режим	Низкий потенциал государственной состоятельности — демократический режим	

Рис. 9.1. Соотношение уровней государственной состоятельности и типов политических режимов

Общий тезис о том, что государство является предпосылкой демократии, нуждается в конкретизации и развитии. Действительно, исторически создание «современных» (европейских) государств и государственное строительство предшествовали формированию демократических институтов и практик. Но нет достаточных теоретических оснований для экстраполяции этой последовательности в сегодняшний мировой контекст. Многомерная и разнонаправленная логика мирового политического развития требует дифференцированного подхода к вопросу о характере государства и государственности, детализированного рассмотрения их различных качеств, в первую очередь — применительно к рассматриваемой нами проблематике.

В современном мире существуют разные государства с разными характеристиками государственности. Дифференциация уровней государственной состоятельности как раз и используется в качестве одного из способов их измерения и сравнения, в том числе в аспекте режимных различий. При этом в литературе обоснован теоретический аргумент о разных соотношениях уровней государственной состоятельности и типов политических режимов (см.: [Tilly, 2007]: по вертикали — государственная состоятельность, по горизонтали — политические режимы, рис. 9.1).

Надо сказать, что хотя бы отчасти в ряде современных исследований этот вывод подтверждается эмпирически (см., например: [Мельвиль, Ильин, Мелешкина, Миронюк и др., 2007; Melville with Polunin, Pyin, Mironyuk et al., 2010] о «демократии без государственности» и «государственности без демократии»).

В целом, с учетом имеющихся теоретических аргументов и эмпирических свидетельств, нельзя не согласиться, что демократизация оказы-

вается более эффективной после достижения относительно высокого уровня государственной состоятельности, в том числе в ее «принуждающем» аспекте [D'Arcy, Nistotskaya, 2016]. С этим трудно спорить, но проблема *sequencing* тем не менее заключается в другом — может ли демократизация идти параллельно процессу выстраивания эффективных государственных институтов? Представленная выше аргументация ответа на этот вопрос не дает.

Во-вторых, практически полярная точка зрения представлена тезисом «*Democratization Without a State*» — иными словами, в современном взаимозависимом мире государственность и государственная состоятельность вовсе не обязательны как предпосылка демократии. Строго говоря, это логически и теоретически возможная, но в содержательном отношении совершенно маргинальная позиция. О. Тенси приводит Косово в качестве примера демократизации без эффективной государственности [Tansey, 2007], заметим — примера весьма неоднозначного. В. Шойерман под критическим углом рассматривает аргументы относительно процессов глобализации и транснационализации как факторов, снижающих относительную значимость суверенного государства и государственности для демократизации [Scheuerman, 2009]. В сходном контексте иногда рассматриваются перспективы «демократизации извне» — фактически при слабом государстве. Но как бы то ни было, эта аргументация совершенно не приоритетна в контексте рассматриваемой нами проблематики.

В-третьих, гораздо более значимая для нашего анализа линия аргументации связана с важным и альтернативным тезисом — условно, о «*Democratization Backwards*» / «*Building the Ship of State at Sea*». Его главный смысл в вопросе о возможности одновременного и взаимно подкрепляющего государственного строительства, укрепления качества управленческих институтов и демократизации, демократических реформ.

В последнее время появился целый ряд теоретических и эмпирических исследований, свидетельствующих в пользу такой возможности. Так, [Mazzuca, Munck, 2014] в своем сравнительном анализе с использованием эмпирического материала показывают, как демократия и демократизация могут способствовать решению проблем государственного строительства в развивающихся странах. Эта же позиция подтверждается и в других работах [Slater, 2008].

Р. Роуз и Д. Ч. Шин говорят о возможности, образно говоря, «строительства государственного корабля в море» («*building the ship of state at sea*»), т.е. строительства изначально демократических государственных институтов [Rose, Shin, 2001]. По их мнению, именно это характерно для стран «третьей волны», осуществляющих «демократизацию

в обратном направлении» («*democratization backwards*»), т.е. без предварительного выстраивания «сильных» государственных институтов. М. Брэттон и Э. Чанг на основе эмпирического анализа особенностей режимных изменений в ряде африканских стран также приходят к выводу о взаимосвязи и взаимообусловленности процессов государственного строительства и демократизации [Bratton, Chang, 2006]. Дж. Карбоне и В. Мемоли на более широкой выборке стран приходят к аналогичному выводу, используя, однако, вызывающую возражения методологию [Carbone, Memoli, 2011/2012].

Дж. Фортин отмечает, что как существующие теоретические разработки, так и имеющиеся эмпирические данные не позволяют четко установить направление причинной зависимости между государственным строительством и демократизацией, и на этом основании приходит к выводу о том, что эти процессы взаимно подкрепляют друг друга [Fortin, 2011]. Фактически это связано с проблемой эндогенности применительно к рассматриваемым нами вопросам. Направление причинной зависимости трудно определить однозначно: что влияет на что и нет ли тут «третьих» причин? Связаны ли состояние/динамика государственной состоятельности и демократии/демократизации только друг с другом — или еще и с другими факторами/изменениями: например, развитием рыночной экономики, внешними влияниями и др.?

Дж. Хэнсон, напротив, делает заключение об отсутствии внутренней взаимосвязи этих процессов, но при этом приходит к важному положению о том, что для начала демократизации необходим лишь минимальный уровень государственной состоятельности и что в дальнейшем формирование демократических институтов и практик приобретает самодостаточный характер [Hanson, 2008]. Х. Бек и А. Хадениус в своем анализе приходят к выводу о возможности «игры с положительной суммой» («*positive sum game*») и о том, что государственная состоятельность увеличивается при демократии, но на начальных этапах демократизации авторитарных режимов может происходить ослабление государственной состоятельности [Bäck, Hadenius, 2008]. Это важный и распространенный вывод, который подтверждается и другими исследованиями.

Далее, в ходе сравнительного анализа на материале посткоммунистических стран мы осуществляем эмпирическую проверку одной из важных гипотез, связанных с проблемой *sequencing*, — а именно предположения, что процессы государственного строительства, укрепления государственной состоятельности, с одной стороны, и демократизация, формирование демократических институтов и практик — с другой, могут быть взаимодополняющими.

§ 3. Опыт эмпирического анализа (на материале посткоммунистических стран)

В основе представленного ниже эмпирического анализа — выборка, включающая 27 посткоммунистических стран (Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Грузия, Венгрия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Монголия, Польша, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан). Направленность режимных изменений и уровни государственной состоятельности измеряются нами в двух интервалах — 1989–1991 гг. (начало посткоммунистических транзитов) и 2009–2010 гг. (предварительные результаты трансформаций спустя два десятилетия).

Для оценки траекторий режимных трансформаций нами используется усредненный индекс демократии-автократии на основе соответствующих показателей *Freedom House* и *Polity IV*. Для измерения уровней и динамики государственной состоятельности используется композитный индекс, составленный на основе трех «прокси-переменных»⁴: 1) ВВП на душу населения; 2) *Contract Intensive Money (CIM)*, т.е. «контрактые деньги» — показатель, отражающий качество финансовых институтов и степень доверия к национальной банковской системе; и 3) *Physical Integrity Rights* — показатель, свидетельствующий в том числе о степени соблюдения индивидуальных прав и верховенства закона. Данные о ВВП на душу населения и *Contract Intensive Money* взяты из базы данных МВФ, *Physical Integrity Rights* — из базы данных *Cingranelli-Richards*.

Далее мы сравниваем диаграммы рассеяния, показывающие положение рассматриваемых нами стран в условном пространстве двух индексов — демократии/автократии и государственной состоятельности по состоянию на 1989–1991 и 2009–2010 гг. Полученные по двум точкам траектории представлены (рис. 9.2) и позволяют сделать ряд эмпирических выводов, как представляется, важных для рассматриваемой нами проблематики и имеющих также потенциальное теоретическое значение.

Во-первых, проведенный нами эмпирический анализ дает подтверждение общему (и крайне распространенному в существующей литературе) положению о наличии относительно прочной корреляции между уровнями государственной состоятельности и характеристиками политических режимов. Действительно, здесь проявляется прямая зависимость, несмотря на отдельные «аномалии», между политической демократией

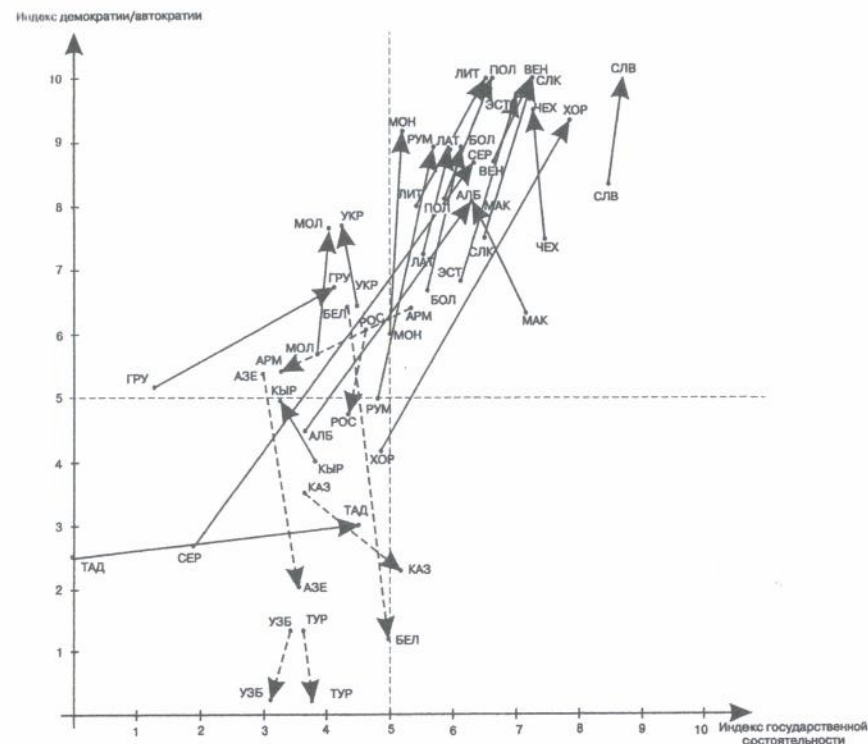

Рис. 9.2. Динамика государственной состоятельности и траектории режимных изменений (посткоммунистические страны, период 1989–1991 и 2009–2010 гг.):

АЗЕ — Азербайджан; АЛБ — Албания; АРМ — Армения; БЕЛ — Белоруссия; БОЛ — Болгария; ВЕН — Венгрия; ГРУ — Грузия; КАЗ — Казахстан; КЫР — Кыргызстан; ЛАТ — Латвия; ЛИТ — Литва; МАК — Македония; МОЛ — Молдова; МОН — Монголия; ПОЛ — Польша; РОС — Россия; РУМ — Румыния; СЕР — Сербия; СЛВ — Словения; СЛК — Словакия; ТАД — Таджикистан; ТУР — Туркменистан; УЗБ — Узбекистан; УКР — Украина; ХОР — Хорватия; ЧЕХ — Чехия; ЭСТ — Эстония

и государственной состоятельностью — прежде всего когда мы рассматриваем их фиксированные состояния, но не динамические процессы. При этом, однако, на данном уровне исследования мы не в состоянии, как уже отмечалось выше, выявить причинно-следственные связи между государственной состоятельностью и режимными характеристиками.

Во-вторых, когда в фокусе нашего внимания оказываются сами динамические процессы посткоммунистических трансформаций, мы в состоянии зафиксировать, что страны, которые на старте «транзита» имели наиболее высокие показатели государственной состоятельности, оказываются в числе лидеров демократизации (по состоянию на 2009–2010 гг.). Это в первую очередь Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония. Успехи демократизации в этих случаях сочетаются с повышением уровня государственной состоятельности.

В-третьих, не могут не обратить на себя внимания «аномальные» (с точки зрения общей выявленной выше закономерности) случаи — когда, например, страны с относительно невысокой государственной состоятельностью тем не менее в процессе трансформаций (в рамках анализируемого временного периода) выходят на сравнительно высокие результаты по демократизации. Это, в частности, Грузия, Молдова, Монголия, Сербия, Хорватия. Очевидно, что эти случаи нуждаются в дополнительном углубленном изучении с целью выявления совокупности связанных с этим факторов. В частности, можно предположить, что здесь на результат трансформаций в наибольшей степени оказывают влияние не «структурные», а «процедурные» факторы, отражающие политические решения и действия ключевых акторов в процессах демократизации — даже в неблагоприятных исходных условиях.

В-четвертых, общей тенденцией в трансформационных процессах в посткоммунистических странах является проявляющийся с разной интенсивностью рост уровней государственной состоятельности независимо от динамики режимных характеристик. Этот эмпирический вывод требует более тщательного отношения к распространенному в теоретической литературе тезису об относительной стабильности уровней государственной состоятельности в посткоммунистических странах (см., в частности: [Fogin, 2010]). Хотя и здесь есть примечательные исключения — например, Чехия, Македония и отчасти Украина, которые в рассматриваемый период смогли продвинуться по уровням демократического развития при относительном снижении государственной состоятельности. С другой стороны, необходим более глубокий анализ случаев, когда происходило относительное снижение (хотя и в разной степени) показателей демократии и государственной состоятельности (Армения, Узбекистан, Россия и др.) и вызывающих это факторов.

В-пятых, эмпирический анализ выявляет также редкие случаи некоторого (опять-таки в разной степени) повышения уровней государственной состоятельности в условиях посткоммунистических ав-

торитарных режимов — например, в Казахстане и в меньшей степени в Азербайджане и Белоруссии. Эти случаи, однако, в силу их частного характера вряд ли могут опровергнуть общие выводы, сделанные в наших предшествующих исследованиях [см.: Мельвилл, Стукал, Миронюк, 2013; Melville, Mironyuk, 2016] об отсутствии посткоммунистических автократий с высокой государственной состоятельностью.

Проблематика государственной состоятельности остается в центре интенсивных политологических дискуссий. Различные варианты эмпирических индикаторов, предлагаемых для ее измерения и сравнительной межстрановой оценки, обусловлены различиями в подходах к концептуализации этого многомерного феномена. В соответствии с конкретным исследовательским дизайном государственная состоятельность может выступать в качестве как зависимой, так и независимой переменной. Предлагаемые в современных сравнительных исследованиях эмпирические индикаторы (в том числе используемые «прокси-переменные») государственной состоятельности отражают, с одной стороны, имеющиеся у государства ресурсы, а с другой — институты, используемые для осуществления государственной политики в различных общественных сферах.

Нынешнее состояние исследований не позволяет установить сколько-нибудь четкие направления каузальной зависимости между компонентами и измерениями государственной состоятельности и связанными с ней эффектами в социально-экономической и политической областях. В частности, это относится к важному и актуальному вопросу о взаимосвязи государственной состоятельности и режимных изменений, в том числе оптимальной последовательности процессов государственного строительства и демократизации. Вместе с тем имеющиеся эмпирические свидетельства, в том числе представленные выше и основанные на материале посткоммунистических стран, свидетельствуют в пользу возможности синхронизации этих процессов.

В дальнейших исследованиях представляется важной концентрация аналитических усилий на углубленной концептуализации государственной состоятельности, ее компонентов и индикаторов. В разрезе эмпирических сравнений перспективным направлением могло бы стать расширение выборки стран и временных рядов, а также тестирование различных вариантов используемых индикаторов.

Примечания

¹ Проблема «sequencing» породила чрезвычайно интенсивную теоретическую и политическую дискуссию [Carothers, 2007; Mansfield, Snyder, 2007;

Siegle, Weinstein, Halperin, 2004; Fukuyama, 2004a; Fukuyama, 2007; Berman, 2007; Siegle, MacLaren, 2009].

² По словам К. Хендрикса, государственная состоятельность — это «концепт все еще в поисках точных определений и измерений» [Hendrix, 2010: 273].

³ Сходная позиция прослеживается в некоторых современных исследованиях [см.: Gennaioli, Voth, 2015].

⁴ Этот индекс государственной состоятельности был впервые разработан и в различных вариантах использован в наших предшествующих исследованиях совместно с Д. К. Стукалом и М. Г. Миронюком [см.: Мельвиль, Стукал и Миронюк, 2012; Мельвиль, Стукал и Миронюк, 2013].

Литература

- Ильин М. В. Суверенитет в условиях глобализации // Политическая наука. 2005. № 4.
- Мелешкина Е. Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2.
- Мельвиль А. Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю., Миронюк М. Г. и др. Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007.
- Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. 2012. № 4.
- Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис. 2013. № 2.
- Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. Траектории режимных изменений и типы государственной состоятельности // Полис. 2012. № 2.
- Петров Н. Обилие слабого государства // Pro et Contra. 2011. Сентябрь—октябрь.
- Полтерович В., Попов В. Демократия, качество институтов и экономический рост // Прогнозис. 2006. № 3.
- Back H., Hadenius A. Democracy and State Capacity: Explaining a J-Shaped Relationship // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. 2008. Vol. 21. No 1.
- Berman Sh. The Vain Hope for «Correct» Timing // Journal of Democracy. 2007. Vol. 18. No 3.
- Bertelsmann Transformation Index (2012). URL: <http://www.bti-project.de/>.
- Besley T., Person T. State Capacity, Conflict, and Development // Econometrica. 2010. Vol. 78. No 1.
- Bratton M., Chang E. State Building and Democratization in Sub-Saharan Africa: Forwards, Backwards, or Together? // Comparative Political Studies. 2006. Vol. 39. No 9.
- Carbone G., Memoli V. Does Democracy Foster State Consolidation? A Panel Analysis of the “Backwards Hypothesis” // 2011/2012. URL: http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf.

- Carothers Th. The «Sequencing» Fallacy // Journal of Democracy. 2007. Vol. 18. No 1.
- Charron N., Lapuente V. Does Democracy Produce Quality of Government? // European Journal of Political Research. 2010. Vol. 49. No 4.
- D'Arcy M., Nistotskaya M. State First, Then Democracy: Using Cadastral Records to Explain Government Performance and Public Goods Provision // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. 2016. — doi: 10.1111/gove.12206.
- Evans P., Reuschmeyer D., Skocpol T. Bring the State Back In. Chicago: The University of Chicago Press, 1985.
- Fortin J. A Tool to Evaluate State Capacity in Post-Communist Countries // European Journal of Political Research. 2010. Vol. 49. No 5.
- Fortin J. Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Postcommunist Countries // Comparative Political Studies. 2011. Vol. 20. No 10.
- Fortin-Rittberger J. Exploring the Relationship Between Infrastructural and Coercive State Capacity // Democratization. 2014. Vol. 21. No 7.
- Frye T. Building States and Markets After Communism. The Perils of Polarized Democracy. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2010.
- Fukuyama F. State-Building. Governance and World Order in the 21st Century. Ithaca-N.Y.: Cornell University Press, 2004.
- Fukuyama F. The Imperative of State-Building // Journal of Democracy. 2004a. Vol. 15. No 2.
- Fukuyama F. Liberalism versus State-Building // Journal of Democracy. 2007. Vol. 18. No 3.
- Gehlbach S. Representation Through Taxation: Revenue, Politics, and Development in Postcommunist States. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Gennaioli N., Voth H.-J. State Capacity and Military Conflict // Review of Economic Studies. 2015. Vol. 82.
- Hansen J., Sigman R. Measuring State Capacity: Assessing and Testing the Options // Paper for the 2011 Annual Meeting of the American Political Science Association. 2011. Sept. 1–5.
- Hanson J. Democracy and State Capacity: Complements or Substitutes? // Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association. Chicago, 2008. April 3–6.
- Hendrix C. S. Measuring State Capacity: Theoretical and Empirical Implications for the Study of Civil Conflict // Journal of Peace Research. 2010. Vol. 47. No 3.
- Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Kjaer M., Hansen O. with Thomsen J. Conceptualizing State Capacity // DEMSTAR Research Report. 2002. No 6.

- Kuthy D.* The Effect of State Capacity on the Survival of New Democratic Regimes // Paper prepared for the annual meeting of the American Political Science Association. Washington, D.C., 2010. Sept. 4.
- Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore and L.: The Johns Hopkins University Press, 1996.
- MacLaren M.* "Sequentialism" or "Gradualism"? On the Transition to Democracy and the Rule of Law // WP 38. National Center of Competence in Research: Challenges to Democracy in the 21st Century. Swiss National Science Foundation, 2009.
- Mann M.* The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // European Journal of Sociology. 1984. Vol. 25.
- Mansfield E., Snyder J.* The Sequencing "Fallacy" // Journal of Democracy. 2007. Vol. 18. No 3.
- Mazduca S., Munck G.* State or Democracy First? Alternative Perspective on the State-Democracy Nexus // Democratization. 2014. Vol. 21. No 7.
- Melville A. with Polunin Yu., Ilyin M., Mironyuk M.* et al. Political Atlas of the Modern World. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Melville A., Stukal D., Mironyuk M.* Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Post-communist Countries // Perspectives on European Politics and Society. 2013. Vol. 14. No 4.
- Migdal J.* Strong Societies and Weak States. State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton: Princeton University Press, 1988.
- Moller J., Skaaning S.-E.* Stateness First? // Democratization. 2011. Vol. 18. No 1.
- Ottervik M.* Conceptualizing and Measuring State Capacity: Testing the Validity of Tax Compliance as a Measure of State Capacity // Working Paper Series 2013:20, The Quality of Government Institute, University of Gothenburg, 2013.
- Roberts C., Sherlock Th.* Bringing the Russian State Back In. Explanations of the Derailed Transition to Market Democracy // Comparative Politics. 1999. Vol. 31. No 4.
- Rose R., Shin D.* Democratization Backwards: The Problem of Third-Wave Democracies // British Journal of Political Science. 2001. Vol. 31. No 2.
- Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. No 3.
- Scheuerman W.* Postnational Democracies without Postnational States? Some Skeptical Reflections // Ethics and Global Politics. 2009. Vol. 2. No 1.
- Schmitter Ph. with Wagemann C. and Obydenkova A.* 2005. Democratization and State Capacity // Paper for X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administracion Publica. Santiago, Chile, 2009. Oct. 18-21.
- Siegle J., Weinstein M., Halperin M.* Why Democracies Excel // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. No 5.
- Slater D.* Can Leviathan be Democratic? Competitive Elections, Robust Mass Politics, and the State Infrastructural Power // Studies in Contemporary International Development. 2008. Vol. 43.

- Soifer H.* State Infrastructural Power: Approaches to Conceptualization and Measurement // Studies in Contemporary International Development. 2008. Vol. 43.
- Soifer H., Hau M.* Unpacking the Strength of the State: The Utility of State Infrastructural Power // Studies in Contemporary International Development. 2008. Vol. 43.
- Spruyt H.* The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Tansey O.* Democratization without a State: Democratic Regime-Building in Kosovo // Democratization. 2007. Vol. 14. No 1.
- Tilly Ch.* Democracy. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2007.
- Tilly Ch.* Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Cambridge: Basil Blackwell, 1990.
- Van Crevelde M.* The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Андрюшина Е. В.** — кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Бордовских А. Н.** — кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Григорьева Н. С.** — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Коньков А. Е.** — кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Косоруков А. А.** — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Малинова О. Ю.** — доктор философских наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета Высшая школа экономики
- Малышева Н. С.** — кандидат философских наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Мельвиль А. Ю.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан факультета социальных наук, руководитель департамента политической науки Национального исследовательского университета Высшая школа экономики
- Михайлова О. В.** — доктор политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Патрушев С. В.** — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН
- Пушкарева Г. В.** — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского университета
- Соловьев А. И.** — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Туронков С. Г.** — кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова
- Фадеева Л. А.** — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии Пермского государственного университета
- Филиппова Л. А.** — кандидат политических наук, научный сотрудник Института социологии РАН